

Евгений БУЗНИ

Национальная идея под сводами «Гаража»

Не так давно группа писателей Московской городской организации Союза писателей России посетила Переделкино, ознакомила с музеем и Домом творчества, приняла участие в вечере студии «Гараж» при музее К.И. Чуковского.

Раиса Родионова, Ахмет Саттар, Лидия Жарова, Евгений Бузни, Татьяна Цветова, Юрий Максудов, Нелли Виктора, Антонина Истомина, Игорь Астапкин и Ирина Астапкина выражают свою благодарность организаторам мероприятия, руководителям музеев К.И. Чуковского и Б.Л. Пастернака, а также руководству Международного Литературного фонда за бережное сохранение литературной жемчужины Переделкино

Её звали Олеся. Она собрала всех нас на Киевском вокзале в девять утра. А он назвал себя просто Павлом. Представился не гидом, а давним жителем Переделкино, привыкшим к этому месту, сжившимся с ним всем сердцем и душой. Потому и рассказ его группе московских писателей, прибывших в сию alma mater российской литературы, напоминал не столько экскурсию, сколько путешествие по страницам истории.

Тропинка от станции ведёт вдоль железной дороги мимо храма, источника ключевой воды, скользит под раскидистыми елями, берёзами, клёнами, воспетыми не одним обитателем этого замечательного уголка Парнаса.

Ах, конечно, не все писатели, чьим творческим мышлением довелось рождаться в этом избранном российском уголке, написали что-то о Переделкино и упоминали его в своих творениях, но все жившие здесь, будь то прозаики Александр Серафимович, Александр Фадеев, Владимир Солоухин, Валентин Катаев или поэты Константин Симонов, Роберт Рождественский, Сергей Островой — все вдохновлялись тишиной и покоем леса и журчаньем речушки Сетунь, и все, пусть с разным накалом, писали о России. Собственно говоря, с этой целью по просьбе Максима Горького и был выделен под писательские дачи сей благословенный уголок природы.

Я впервые посетил Переделкино, однако, слушая рассказ Павла и вспоминая до боли в сердце знакомые имена замечательных писателей, не мог оторваться от внезапно всплывавших в голове произведений, будораживших некогда мою душу. Вспоминались сразу же и встречи с некоторыми из тех, кто навсегда покинул этот мир, оставив после себя навечно вписанные в историю строки.

Здесь жила Мариэтта Шагинян, а я был ещё ялтинским жителем, когда знаменитая писательница приехала на берег Чёрного моря в Дом творчества. Ей захотелось посмотреть спектакль нашего народного театра. И мы, актёры-любители, пришли за нею. Нас поразила эта маленькая старенькая женщина в очках с толстыми стёклами, с предельно плохим слухом (приходилось говорить прямо в ухо), весело попросившая взять её с двух сторон под руки, так как она страшно боится попасть под машину. Мы шли по узкой извилистой ялтинской улочке, а Шагинян постоянно что-то рассказывала, не забывая ослепло смотреть по сторонам. Постановка понравилась, и писательница сфотографировалась с группой на память. Прошло много лет, но я всегда с удовольствием смотрю на этот снимок.

Ещё раньше, до Шагинян, когда с братом были членами драматического коллектива Дома пионеров и участвовали в постановке пьесы С. Я. Маршак «Двенадцать месяцев», нам посчастливилось увидеть на своём спектакле в качестве зрителя самого автора, а потом и сфотографироваться с ним. Фото, на котором я стою рядом с мочим детским писателем, было опубликовано в местной газете и хранится в моём архиве. Об этом тоже вспомнил в Переделкино.

Павел рассказывал об Андрее Вознесенском. И в моей памяти всплывала опять же картина: в Ялте идём с Вознесенским по набережной, я читаю свои стихи, адресованные ему же, и он снисходительно обращает внимание на одну понравившуюся строку. Вспоминаются и стихи самого Вознесенского, написанные, быть может, здесь в Переделкино. Почему-то в голову приходят строки из знаменитой поэмы «Лонжюмо». Не знаю, создал бы он нечто подобное в сегодняшнее время, но тогда, в шестидесятые, писал, а из песни, как говорится, слов не выкинешь. И о земле нашей говорил, сравнивая её с вождём революции: «Планета, как Ленин, мудра и лобаста». Тогда многие писали не так, как сегодня. Переделкино тому свидетель.

Много видела эта земля и плохого, и хорошего. Здесь, в посёлке, были арестованы в тридцатые годы Борис Пильняк, Артём Весёлый, Иван Катаев, Исаак Бабель, Владимир Заурубин, Владимир Киришин. К тому времени в Переделкино было построено и заселено уже пятьдесят домов писателей. Посёлок гудел противоречивыми мнениями.

Не меньше волнений и споров было и в конце пятидесятых, когда одному из жителей Переделкино Борису Пастернаку, за опубликованный за границей роман «Доктор Живаго» была присуждена Нобелевская премия. О данном эпизоде нам рассказывают в музее знаменитого писателя, так и не получившего свою премию и скончавшегося спустя два года после этого.

Здесь пересекались не только судьбы писателей, но вместе с ними сходились в поединке различные тенденции, направления, идеологии всей страны, ведь авторы отражали в своих произведениях то, что видели собственными глазами, то, что чувствовали. А были их мысли отнюдь не однозначны. Корней Чуковский пришёл лично поздравить своего собрата по перу Пастернака с присуждением упомянутой премии, а на собрании писателей Москвы, состоявшемся в Доме кино 31 октября 1958 года, многие широко известные в стране мастера слова потребовали исключения Бориса Леонидовича из Союза писателей и даже говорили о лишении его советского гражданства. А ведь они жили или бывали в Переделкино, часто встречались с поэтом, хорошо его знали. Я читал «Доктора Живаго», когда он был опубликован у нас в стране, и признаюсь, не нашёл в нём ничего антисоветского. Но ведь и суперпропагандистский роман Николая Островского «Как закалялась сталь»

после публикации в журнале «Молодая Гвардия» тоже сначала получил негативную рецензию и обвинение в антисоветизме. Так что парализованному начинающему писателю, не имевшему возможности на личную встречу, пришлось писать гневную отповедь неудачному критику.

По-другому сложилась судьба Корнея Чуковского, чей музей мы посетили в первую очередь. Этот дом уникален во многих отношениях, как уникален и сам писатель, который был и прекрасным переводчиком, и замечательным литературоведом, открывшим новые страницы биографии и творчества Некрасова, Блока, Маяковского, Чехова, Достоевского. Он проявил себя и тонким критиком, умевшим почти в любом произведении начинающего литератора найти ту самую изюминку, из-за которой автора можно назвать писателем. Однако, в первую очередь, Чуковский, конечно, детский писатель, чья

На снимке: Писатели у дома-музея Б. Пастернака

он и доказал всей своей жизнью, не только сказками и стихами, но и созданием здесь же, в Переделкино, детской библиотеки, организационной бесконечных встреч с детьми и весёлых пионерских костров. И никого не удивляет возле дома писателя-сказочника придуманное им огромное башмачное дерево с разнообразной детской обувью, свисающей со всех веток. Не удивляет и плакат, на котором изображена семья крокодилов, сидящая за столом и закусывающая кашамями. Разумеется, на ум сразу приходят знаменитые строки: «Мой милый, хороший, пришли мне кашки, и мне, и жене, и Тотосе... Ах, те, что ты выслал на прошлой неделе, мы давно уже съели». В таком музее всё кажется органичным и естественным.

Есть в Переделкино и картинная галерея Евгения Евтушенко. Когда-то я писал о его поэзии, нравилось многое из его творений, любил «Братскую ГЭС», «Азбуку революции», и до сих пор иногда цитирую своим студентам строки поэта из стихотворения «В погоне за дешёвой популярностью», которое он написал в далёком 1961 году.

В последний приезд не довелось посетить музей Булата Окуджавы. А хотелось бы это сделать. Как-то давно в Ялте мы с моей соратницей по комсомолу Аней Калицевой пришли в Дом творчества специально, чтобы пригласить отдыхавшего там Булата Шалвовича на встречу с комсомольцами города. Он любезно встретил нас, сообщил, что, к сожалению, из-за большой занятости не сможет побывать на встрече с молодёжью, но, раз уж пришли, то попросил свою супругу записать наши домашние адреса, чтобы прислать по ним из Москвы свои сборники песен.

Убеждён, есть немало желающих посетить в Переделкино дома некогда шумевших в стране поэтов А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Г. Поженна, с которыми меня так или иначе сводила судьба, но чаще всего, наверное, приходили и приходят к Чуковскому. Из его бывшего гаража, где теперь нет никакого автомобиля, сделали нечто вроде конференц-зала. В нём, по меньшей мере раз в неделю, собираются литераторы на свои писательские посиделки.

В этот раз мы сначала уселись возле башмачного дерева и начали читать друг другу свои произведения, — не соревнуясь, кто наизусть, кто по книге или заранее прихваченной с собой рукописи. Звучали стихи, поэмы, пародии, юморески. Кто-то иногда брал на себя роль диспетчера, предлагая выступить тому или иному по кругу, кто-то кратко комментировал услышанное, изредка раздавалось нечто вроде аплодисментов. Словом, все чувствовали себя легко, свободно, раскованно, а потому стихи лились как бы сами собой.

За всю историю Переделкино, в котором творила не одна сотня писателей, подобных встреч бывало великое множество. Тысячи раз на этих малых или больших собраниях коллег по перу читались новые работы, исполнялись баллады, песни и романсы, звучали главы из ещё не опубликованных книг. Мнения друзей, коллег, братьев по духу — что это, как ни школа творчества, из которой выходили все жители и гости литературного посёлка? Вот почему я назвал Переделкино alma mater российской

литературы. Здесь творцы питались духовностью, вынося её на страницы публикаций, расхвалившихся по всему миру.

И вот, наконец, спрятавшись от наступавшего дождя, мы собрались в упомянутой гостиной за большим уютным столом, где председательствовала чудесная хозяйка, руководитель студии «Гараж» Алла Рахманина. Именно там выяснилось, что наступило главное событие дня, хотя, кажется, никто специально этого не готовил. Просто все устали и перед отъездом расстались тесной компанией расслабиться, поблагодарить организаторов за великолепную экскурсию, выпить немного вина и чашечку чая перед обратной дорогой. Но тут в общей беседе спонтанно всплыла тема российской национальной идеи. И началось...

Стало ясно, что эта мысль теревала головы писателю-москвичей всё время пребывания в

Прогулки по минувшему

(Окончание. Начало в № 7(32) 2012)

...Улица Павленко. Это даже не улица, а аллея. Знаменита прежде всего тем, что на ней расположен музей Пастернака. По соседству жил Андрей Вознесенский. Внешне он всегда выглядел тихим, задумчивым. Не таким, каким я видел его на выступлениях в педагогическом институте — ярким, пламенным. Идёт, бывало, навстречу, приостановится, широко улыбнётся, и дальше засемнит, поглядывая в пространство, упакованное монстрами-особняками. Между ними мелькнёт вдали храм Преображения Господня, и погаснет. Нет ныне поля. А когда-то я хрумкал на нём сохвоенную морковь, вынутую из грядки... Вкусная — до изнеможения!

Повернув назад, как раз попадём на улицу Серафимовича, где «жил и работал» дедушка Корней. Будучи корреспондентом «Комсомольской правды», я приехал к нему. Помню волнение, когда шёл к его дому, ступал по лестнице наверх и входил в кабинет. Седой старец, слегка сутулый, высокий, он излучал величие, мудрость и наивность. Его несравненный по звучанию тембр, скудные жесты крупных рук наполняли пространство, в котором чувствуешь себя, как в колыбели.

С левой стороны улицы Серафимовича, за оградой с кирпичными столбиками, территория Дома творчества. Прежде чем дойти до него по дорожке, заглянем в расположенные по правую и левую руку двухэтажные деревянные коттеджи. В одном из них, слева, проживала Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Близке к главному входу Дома творчества расположен коттедж, в котором одно время жил Владимир Солоухин. Мы с ним неоднократно встречались в Доме литераторов. А тут, воспользовавшись своим приездом в Переделкино, осмелился предложить ему поговорить на разные темы, в ту пору считавшиеся крамольными, послушать его мелодичной окающей черной и водить пастелью по бумаге. Портрет его, равно, как и прозаика Жени Чернова, жившего в этом же коттедже, увы, ушедшего в мир иной, до сих пор хранится у меня и выставляется на вернисажах.

Не могу в памяти своей пройти мимо примечательной фигуры Виктора Бокова. В бытность свою он часто заглядывал на территорию Дома творчества, общительный, шуточный. Было в этом русском человеке нечто такое, что даже те, кто с иронией относился к его стихам, каштакам, игре на балалайке, пасовали перед его обаянием. Может быть, поэтому Виктор Фёдорович Боков прожил до старости глубокой (извините за избитую рифму).

Чуть не забыл: конечно же, Родин! Жил долгое время в старом корпусе. Прохожу мимо комнаты №90, и невольно предстаёт он, никогда не унывающий, подражая бардыской с просодией, рассказывает о своём жителстве, лихой юности, наполненной скитаниями по журналистским дорогам, о Волгограде, альма-матер его писательской судьбы. Пьесы Михаила Михайловича шли и до сих пор идут, на сценах многих театров страны. Дали ему, наконец, дачу по улице Тренёва. Позвонил ему. Обрадовался. Подождал к дому. Сидит на крыльце в каталке, с пледом на одинокой ноге. И нет ни любимой женщины Татьяны, ни здоровья, ни людей, окружавших когда-то этого прекрасной души человека.

Дом творчества... Вот говорят: «аура», старый корпус «намолен». Хотя в бытовом отношении в нём удобства среднего порядка, в отличие от так называемого «нового корпуса», хотя и ему не первый десяток лет. И всё же в этот дом во все времена неудержимо манит литераторов «приобщиться» к тому, что составляет неотъемлемую часть истории литературной хроники нашего и прошлого веков.

К мистике я отношусь иронично. Однако работаете лучше в старом корпусе, чем в новом, более комфортабельном. Видимо, сказывается давняя привычка. Она, впрочем, свойственна многим писателям, кто приезжает сегодня из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны. Не в том количестве, как раньше, когда кипела здесь жизнь во все времена года, особенно летом. Заявку на путёвку подавали заранее и получали её на улице Усиевича, что считалось удачей. Лишь в осеннюю пору до Нового года наступало затишье.

В погожие дни на территории Дома творчества приходили личности колоритные: Владимир Соколов с палочкой, Василий Субботин, высокий, с гордо поднятой седой головой, Анастасия Цветаева, сестра великой поэтессы, худенькая старушка, с такой же ветхой спутницей, казалась, дунет ветер и упорхнут они. Сидели кто на лавочках, кто в плетёных креслах, кто стоял возле элегантной балюстрады, и говорили, говорили...

Было покойно и светло... На подходе к Дому творчества, с правой стороны, растёт интересное дерево. Ствол его наклонён в сторону проходящего мимо человека, словно желает поздороваться. Это манжурский орех. Не знаю, правда или нет, но говорят, что посадил его Михаил Луконин, доставив чуть ли не из латиноамериканской страны. Может быть. Но, думаю, это легенда, красивая и символичная, как и всё, что связано с Переделкино, что для нас, его обитателей, всегда желанно и чем дорожим, пока мы живы.

Сергей ЛУКОНИН

